ВАСЯ МИХАЙЛОВИЧ

Спокойной ночи, Вастик

СКАЗКИ НА НОЧЬ
ТОМ ПЕРВЫЙ

6+

Вася Михайлович

Спокойной ночи, Вастик

«Автор»
2026

Михайлович В.

Спокойной ночи, Вастик / В. Михайлович — «Автор», 2026

Пятнадцать тихих сказок на ночь про мальчика Вастика и его друзей. Как уложить спать кота, который считает себя директором? Что снится дирижаблю, привязанному на ночь к мачте? Почему фонарщик не спит, кто поёт колыбельную дождю и что делать, если все овечки превращаются в булочки? Каждая сказка читается вслух за пять-шесть минут и к концу становится всё тише и медленнее: в ней кто-нибудь обязательно засыпает, а последняя строчка всегда одна и та же — «Спокойной ночи всем». Ничего страшного, никаких открытых концов — только тёплый дом, добрые соседи, немного улыбок и сон. Сказки идут по временам года, от осени к зиме. Для семейного чтения перед сном.

© Михайлович В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Как Вастик укладывал спать Пряника 6
Тихий час в Лопухове 8
Подушка, которая знала сны 10
Почему фонарщик Филимон не спит 12
Конец ознакомительного фрагмента. 13

Вася Михайлович
Спокойной ночи, Вастик

Вася Михайлович
Спокойной ночи, Вастик
Сказки на ночь. Том 1

Эти сказки — для самого конца дня, когда игрушки уже убраны, зубы почищены, а свет погашен. Каждая читается вслух минут за пять-шесть и становится к концу всё тише и медленнее. В них никто не пугает и ничего не случается страшного, а в последней строчке все желают друг другу спокойной ночи. Можно читать по одной сказке за вечер, по порядку — от осени к зиме.

Сказка первая

Как Вастик укладывал спать Пряника

Вечером в оранжевом доме становилось тихо. Сначала затихала улица: уезжал последний солнцеход, Филимон зажигал фонари, бабушка Зина убирала бинокль. Потом затихала кухня: мама мыла последнюю чашку, а папа складывал газету вчетверо, потом ввосьмеро, а потом уже не мог сложить и просто клал её на стол.

А потом мама говорила:

— Вастик, пора спать.

И Вастик отвечал то, что отвечал всегда:

— А Пряник ещё не спит.

Это была правда. Пряник сидел на подоконнике, рыжий, круглый и очень важный, и смотрел в окно: на фонарь, на луну и на мотылька, который кружился у стекла. Пряник был директор, а директора, как известно, ложатся последними.

— Тогда уложи Пряника, — сказала мама. — А потом ложись сам.

Вастик обрадовался. Уложить Пряника — это было настоящее взрослое дело. Он слез со стула и пошёл к подоконнику.

— Пряник, — сказал он строго, совсем как мама. — Пора спать.

Пряник посмотрел на него, медленно моргнул и отвернулся к окну. Мотылёк был интереснее.

Тогда Вастик решил действовать по правилам — по тем же, по которым укладывали его самого.

Сначала полагалось умыться. Он принёс из ванной мокрую тряпочку и осторожно вытер Прянику нос. Пряник чихнул и посмотрел на Вастика с огромным удивлением, а потом облизал лапу и умылся сам, как следует, даже за ушами. Получилось лучше, чем у Вастика.

— Молодец, — похвалил Вастик. — Теперь — пижама.

Пижамы у Пряника не было. Вастик подумал и принёс свой синий бабушкин шарф, мягкий и тёплый, и обернул его Прянику вокруг шеи. Пряник посидел в шарфе, подумал и, кажется, решил, что так даже солидно, как у директора на совещании.

— Теперь — сказка, — сказал Вастик.

Он сел на пол рядом с подоконником и стал рассказывать ту сказку, которую знал лучше всех: про кота, который жил в оранжевом доме и был самым главным. Этот кот умел открывать холодильник, спал на батарее, на папиной подушке и на чистом белье, и все его очень-очень любили.

Пряник слушал. Сначала к Вастику медленно повернулись его уши, потом он перестал смотреть на мотылька, потом лёг на подоконник и положил голову на лапы.

— А потом, — рассказывал Вастик, — кот пошёл спать. Потому что наступил вечер. И все уже легли. И даже фонари за окном светили тише.

Пряник зевнул широко, со всеми зубами. Вастик тоже зевнул, потому что зевота перепрыгивает с одного на другого, как кузнечик.

— Теперь — колыбельная, — сказал Вастик и зевнул ещё раз.

Колыбельную он пел тихо, бабушкину: «Баю-баюшки-баю, не ложися на краю». Пел он, как всегда, не очень, но Прянику, кажется, нравилось. Пряник замурлыкал, сначала тихо, потом громче, как маленький трактор, который едет далеко-далеко, за поле, за лес, за край земли.

Вастик положил голову на подоконник рядом с Пряником. Мурлыканье было тёплое и шло прямо в щёку, в ухо и куда-то в самую серединку, где у Вастика бывает спокойно.

— Пряник, — прошептал Вастик. — Ты спишь?

Пряник не ответил. Он мурлыкал медленно и ровно, с закрытыми глазами.

— Значит, уложил, — прошептал Вастик. — Теперь можно и мне.

Но вставать уже не хотелось. Подоконник был тёплый, мурлыканье было тёплое, а за окном низко-низко висела луна, как фонарик, который кто-то забыл выключить. Вастик подумал, что полежит ещё одну маленькую минуточку.

Когда мама заглянула в комнату, спали оба: Пряник — в синем шарфе на подоконнике, а Вастик — на коврике, положив голову рядом с ним. И оба мурлыкали. Ну, Пряник мурлыкал, а Вастик сопел, но очень похоже.

Мама тихонько засмеялась и позвала папу. Папа взял Вастика на руки — осторожно, как берут спящих, — отнёс в кровать и укрыл одеялом. А Пряник открыл один глаз, посмотрел им вслед, спрыгнул с подоконника и пошёл следом, медленно и важно, в шарфе.

Он запрыгнул на кровать, покрутился и лёг у Вастика в ногах, там, где всегда. Потому что уложить — это одно, а охранять сон — совсем другое. Это и есть директорская работа, самая главная.

Спокойной ночи, Пряник. Спокойной ночи, Вастик. Спокойной ночи всем.

Сказка вторая

Тихий час в Лопухове

В Лопухове тоже бывает вечер. Он приходит туда раньше, чем к Большим, потому что лопухи высокие и солнце прячется за ними быстрее. Сначала темнеет внизу, у самой земли, потом на тропинках, и только верхушки лопухов остаются светлыми, как будто на каждой зажгли маленький жёлтый фонарик.

В этот вечер Вастик пришёл в Лопухово поздно. Он понюхал синий цветок у забора, чихнул — и оказался среди травинок, высоких, как ёлки. В Лопухове было тихо, только Кранович скрипел, опуская крюк на ночь. «Майна, — шептал он. — Потихонечку».

На полянке у Большой лужи сидели жители. Пора было спать, но никто не спал.

— Не можем уснуть, — пожаловалась Обижулька. — Совсем. Я лежу, лежу, а сон не идёт. Я на него обиделась.

— А я всё думаю, — сказал Самсам. — Про мост. Про то, как его завтра чинить. Думаю — и не сплю.

— А я не сплю, потому что не хочу, — гордо сказал Хвастик. — Я могу вообще не спать. Целую ночь. Специально.

И тут же зевнул так широко, что шапочка съехала на нос.

Мураш покачал усиками и сказал, что в Лопухове есть один житель, который умеет засыпать быстрее и крепче всех. Настоящий мастер.

— Потомкин, — догадался Вастик.

Потомкин лежал в своём гамаке из паутинки, натянутом между двумя травинками, и гамак тихонько покачивался. Потомкин был уже почти совсем во сне, но, когда к нему подошли все жители сразу, приоткрыл один глаз.

— Научи нас засыпать, — попросил Вастик. — Пожалуйста. Ты же лучше всех умеешь.

Потомкин думал так долго, что Хвастик успел зевнуть ещё два раза. А потом сказал:

— Ладно. Только это — потом. То есть… нет. Это — сейчас. Сон — это единственное, что я делаю сразу.

Он медленно сел в гамаке и стал учить.

— Первое, — сказал Потомкин. — Надо лечь. Удобно. Вот так. — И он показал: лёг на бок и подложил ладошку под щёку.

Все легли прямо на травку: Обижулька — на мягкий мох, Самсам — на листик подорожника, Хвастик — на самую большую кочку, чтобы быть выше всех, а Мураш — рядом с Вастиком.

— Второе, — сказал Потомкин. — Надо закрыть глаза. Не крепко. Мягко. Как закрывается цветок вечером.

Все закрыли глаза. Хвастик сначала подглядывал одним глазом, потом другим, а потом понял, что подглядывать в темноте нечего, и закрыл оба.

— Третье, — сказал Потомкин тихо-тихо. — Самое главное. Все дела, которые вы сегодня не доделали, надо сложить в одну большую корзинку. Вот так. Мост — в корзинку. Обиды — в корзинку. Завтрашние заботы — в корзинку. И сказать им: «Потом». Хорошее, правильное «потом». До утра.

Самсам вздохнул и мысленно положил мост в корзинку. Мост сразу стал лёгкий и далёкий.

Обижулька положила туда обиду на сон, потом обиду на камешек, о который споткнулась днём, а потом, на всякий случай, ещё и на Хвастика. Корзинка стала тяжёлой, а сама Обижулька — лёгкой-лёгкой.

— А что, если у меня нет никаких дел? — сонно спросил Хвастик. — Я же всё сделал. Лучше всех.

— Тогда положи туда хвастовство, — сказал Потомкин. — Оно тоже устало. Ему тоже надо поспать.

Хвастик хотел возразить, но вдруг почувствовал, что хвастовство и правда устало: целый день кричало, прыгало и что-то доказывало. И он осторожно положил его в корзинку, рядом с мостом и обидами, и укрыл листиком.

— Четвёртое, — сказал Потомкин, и голос у него стал совсем медленным, как ручеёк, который течёт под горку. — Теперь надо слушать. Просто слушать. Как шуршат лопухи. Как поёт сверчок. Как дышит Большая лужа. Она тоже засыпает. Она дышит медленно. Вдох… и выдох. Вдох… и выдох…

Все слушали, как шуршат лопухи, как сверчок тянет свою одну-единственную долгую ноту и как Большая лужа тихонько плещется у берега: вдох и выдох.

— А пятое? — прошептал Вастик.

Потомкин не ответил. Вастик приоткрыл глаза и увидел, что Потомкин спит в своём гамаке и улыбается. Он уснул первым, посередине собственного урока, как и полагается настоящему мастеру.

Вастик огляделся. Обижулька спала на мху, свернувшись калачиком. Самсам спал на подорожнике, и рука у него лежала так, будто он и во сне что-то чинит. Хвастик спал на своей кочке, шапочка у него совсем съехала, и он был не самый высокий, не самый громкий и не самый лучший, а просто маленький и тёплый. Мураш спал рядом, сложив все шесть лапок.

Даже Кранович затих, опустил крюк на землю и стоял над спящим Лопуховом, большой и тёмный, как добрый сторож.

— Пятое, — понял Вастик шёпотом, — это просто уснуть.

Он тихонько пошёл к синему цветку, понюхал его и чихнул совсем тихо, чтобы никого не разбудить. И оказался дома, в своей кровати, под одеялом, с Пряником в ногах.

Он лёг на бок, подложил ладошку под щёку и закрыл глаза мягко, как цветок. Положил в корзинку всё, что не успел, и стал слушать, как дышит дом: вдох и выдох, вдох и выдох…

Пятое у него получилось очень быстро.

Спокойной ночи, Лопухово. Спокойной ночи, Вастик. Спокойной ночи всем.

Сказка третья

Подушка, которая знала сны

У Вастика была подушка, на вид самая обыкновенная: белая, мягкая, с маленькой синей заплаткой в уголке — там, где однажды Пряник попробовал её на вкус. Но Вастик знал, что она особенная, потому что в ней жили сны.

Он понял это ещё летом. Когда он засыпал на правом боку, ему снилось море, а когда на левом — Лопухово. А если он засыпал, уткнувшись носом в самую серединку подушки, ему снилось что-нибудь совсем новое, чего он никогда раньше не видел.

— Мам, — сказал Вастик однажды вечером, взбивая подушку кулаком. — А откуда в подушке сны?

Мама села на край кровати и подумала.

— Знаешь, — сказала она, — бабушка говорит, что подушка набита пухом. А пух — с птичек. А птички летают высоко-высоко. Над лесом. Над морем. Над облаками. И всё, что они видели, остаётся в пёрышках. Вот подушка и рассказывает тебе ночью, что видели птички.

Вастик посмотрел на подушку с уважением. Значит, в ней помещается целое небо, и лес, и море, а может быть, даже край света, если какая-нибудь птичка туда долетала.

— А если я хочу сон про что-то определённое? — спросил он. — Например, про дирижабль?

— Тогда попроси, — улыбнулась мама. — Тихонько. Подушки не любят, когда кричат.

Мама поцеловала его и ушла, а Вастик лёг и стал шёпотом просить, прямо в подушку.

— Подушка, — прошептал он. — Покажи мне, пожалуйста, сон про «Пышку». Как я на ней лечу. Над нашим домом. Над садиком. Над Лопуховом.

Подушки всегда молчат, и эта промолчала. Но Вастику показалось, что она стала чуточку мягче, будто кивнула.

А потом он подумал: вдруг подушке тоже хочется о чём-нибудь попросить? Она ведь целую ночь работает, показывает сны, а её никто никогда ни о чём не спрашивает.

— Подушка, — снова прошептал он. — А ты чего хочешь?

Подушка, конечно, не ответила, но Вастик догадался сам. Она хочет, чтобы её не швыряли, не дрались ею с Тюпой и не роняли на пол. И чтобы на ней спали спокойно, не вертелись и не скидывали её среди ночи.

— Хорошо, — пообещал он. — Я буду спать спокойно. Честное слово.

И он погладил подушку там, где синяя заплатка. Заплатка была шершавая и тёплая.

За стенкой папа что-то тихо говорил маме, бубнил, как дождик по крыше. На кухне медленно капала вода из крана, будто считала до ста и всё время сбивалась. Пряник на коврике глубоко вздохнул во сне, как будто ему снилась огромная миска сметаны и он не знал, с какого края начать.

Вастик закрыл глаза и уткнулся носом в самую серединку подушки, туда, где сны. И подушка начала рассказывать.

Сначала стало легко, как будто одеяло превратилось в облако и Вастик поднимается вместе с ним — выше шкафа, выше люстры, выше крыши. А внизу остался оранжевый дом, маленький, как спичечный коробок, и в его окошке горел ночник.

Рядом плыла «Пышка», серебристая и круглая, и покачивалась так, будто махала ему, хотя дирижабли, конечно, не машут. Вастик полетел рядом с ней — над садиком, где спали качели, над улицей, где спал солнцеход, над забором, за которым спало Лопухово. Там, внизу, среди лопухов светились крошечные окошки, а на самом высоком лопухе сидела птичка и очень тихо пела одну-единственную долгую ноту.

Вастик слушал эту ноту и летел, и ему было так спокойно, как бывает, только когда кто-нибудь большой и тёплый держит тебя за руку…

Утром мама зашла его будить. Вастик спал на спине, ровно-ровно, даже одеяло не сбилось, а подушка лежала под головой, на месте. За всю ночь она ни разу не упала.

— Ну как? — спросила мама шёпотом. — Показала?

Вастик открыл глаза, улыбнулся и кивнул.

— Показала. Про «Пышку». И птичку. А я ей пообещал спать спокойно. И спал.

— Вижу, — сказала мама. — За всё лето подушка ни разу так не ночевала — всегда к утру оказывалась на полу.

Вастик погладил шершавую тёплую заплатку и решил, что сегодня вечером попросит сон про море. А подушка, наверное, снова попросит, чтобы он спал спокойно. Это был честный уговор: сон за спокойствие. Подушка своё слово сдержала, и он тоже будет держать.

Спокойной ночи, подушка. Спокойной ночи, Вастик. Спокойной ночи всем.

Сказка четвёртая

Почему фонарщик Филимон не спит

Однажды Вастик долго не мог уснуть — не потому, что не хотел, а потому, что думал. Он лежал и смотрел в окно, где горел фонарь, жёлтый, тёплый и круглый, как маленькое солнышко, которое забыли убрать на ночь. И Вастик вдруг подумал: а кто его зажёг?

Ответ он, конечно, знал. Фонари зажигает Филимон — фонарщик с длинной палкой, усами и в шапке с помпоном. Каждый вечер он идёт по улице и зажигает фонари один за другим, а утром гасит.

— Мам, — позвал Вастик шёпотом, когда мама проходила мимо двери. — А Филимон когда спит? Он же вечером зажигает. А утром гасит. А ночью что?

Мама заглянула в комнату и подумала.

— А давай спросим, — сказала она. — Только завтра. А сейчас — спать.

Но спрашивать завтра не пришлось. Как раз в эту минуту за окном кто-то тихонько засвистел. Вастик вскочил на кровати и выглянул: под фонарём стоял Филимон, с палкой, с термосом и с маленькой скамеечкой под мышкой.

Мама посмотрела на Вастика, Вастик посмотрел на маму, и мама — честное слово! — сказала:

— Ну ладно. Пять минут. В пижаме. И в тапочках.

Они тихо, чтобы не разбудить папу, вышли на крыльцо. Ночь была тёплая, пахло травой и чем-то сладким — наверное, пирогом, который остывал на окне у соседей.

— Добрый вечер, Филимон, — сказал Вастик через калитку. — А вы почему не спите?

Филимон обернулся, улыбнулся в усы, поставил скамеечку у фонаря и сел.

— Я сплю, — сказал он. — Днём. Как совы. А ночью у меня работа.

— Какая? Фонари ведь уже горят.

— Горят, — кивнул Филимон. — Но за ними надо приглядывать. Вдруг какой-нибудь замигает? Вдруг устанет? Фонари, они как люди. Иногда им тоже бывает одиноко. Особенно в самую глубокую ночь. Когда все спят. Тогда я прихожу, сажусь рядом. И фонарю становится не так одиноко. И он светит ровнее.

Вастик посмотрел на фонарь. Он и правда светил ровно-ровно, тёплым жёлтым кругом, и в этом круге медленно кружились мотыльки, будто танцевали под музыку, которую слышали только они.

— А вам не скучно? — спросил Вастик. — Одному?

— Почему одному? — удивился Филимон. — Со мной фонарь. И мотыльки. И сверчок вон под тем кустом. Слышишь? Он со мной каждую ночь разговаривает. Он говорит одно и то же: «Тирр-тирр». Но очень по-разному.

Вастик прислушался. Сверчок и правда говорил своё «тирр-тирр» то тише, то громче, а то совсем медленно, будто засыпал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.